

За политику морали в политике

1991

Возможная точка отправления в рассуждениях о морали такова: существуют универсально удостоверенные стратегии второго порядка, метадискурсивные или метапрактические, посредством которых агенты стремятся произвести видимость соответствия (в действиях или намерениях) универсальному правилу, даже если их практика противоречит правилу или не имеет в своей основе подлинного подчинения правилу. Эти стратегии, с помощью которых «помещают себя в рамки правил», в частности «принимая форму поведения», то есть демонстрируя, что признают правило вплоть до неповиновения ему, предполагают признание фундаментального закона группы, того закона, который хочет, чтобы соблюдали, если не правило (Кабилы любят говорить: «В каждом правиле есть своя лазейка»; Марсель Мосс сказал: «Табу существуют для того, чтобы их преступать»), то хотя бы фундаментальный закон, который требует, чтобы демонстрировалось признание правила. В каком-то смысле — с точки зрения группы — нет более благочестивого акта, чем «праведная ложь», «праведное двуличие». Если этот обман, который никого не обманывает, столь просто допускается группами, так это потому, что он заключает в себе неоспоримое заверение в уважении правила группы, то есть формально универсального принципа (применимого к любому члену группы), который является составной частью существования группы. Стратегии официализации, посредством которых агенты демонстрируют своё почтение по отношению к официальному верованию группы (убеждённость кабила-отца, который представляет женитьбу на параллельной двоюродной сестре как вызванную истым уважением матримониального порядка, тогда как к тому принуждала забота «покрыть грех» или с которой смирились как с наименьшим злом; убеждённость судьи кассационного суда, который притворяется, что выводит решение из истинных основ права, тогда как оно было внушено или навязано совершенно побочными соображениями, и так далее), являются стратегиями универсализации, которые предоставляют группе то, что она особенно требует, то есть публичное заверение в почтении (*obsequium*, как говорил Спиноза) к тому представлению, которое группа стремится дать о себе и придать себе самой.

Представление (ментальное), которое группа вырабатывает о себе самой, может быть устойчивым только при условии и через непрерывную работу по представлению (театральному), посредством которой агенты производят и воспроизводят, пусть даже через вымысел и в вымысле, по крайней мере видимость соответствия идеальной истине группы, её идеалу истины. Эта работа с особой неотложностью предстаёт перед теми, кто, рассматривая себя как выразителей группы, официальных лиц, имеют менее, чем кто-либо другой, право пренебрегать в своей публичной деятельности и даже в своей частной жизни официальным почтением по отношению к коллективному идеалу. Группы полностью

признают только тех, кто публично демонстрирует, что сам их признает. И санкции политического скандала неотвратимо настигают официального выразителя, который выдаёт, что он в действительности не оказывает группе того, что ему принесло признание группы.

Таким образом группы всесторонне вознаграждают поведение, которое они считают универсальным в действительности или, хотя бы, в намерениях, то есть соответствующим добродетели; и они оказывают особую благожелательность истинному и даже показному уважению в отношении идеала бескорыстия, подчинения «Я» «нам», жертвованию частным интересом в пользу общего интереса, которое очень точно определяет переход от is к ought (Is — является, ought — должен бы [англ.] — Прим. пер.). Следовательно, можно считать универсальным антропологическим законом, что существует выгода (символическая и иногда материальная) подчиняться универсальному, проявлять по крайней мере) видимость добродетели, внешне подчиняться официальному правилу поведения. Иначе говоря, признание, универсально придаваемое официальному правилу, действует таким образом, что уважение правила, даже формальное или фиктивное, обеспечивает выгоду от систематичности (всегда проще и удобнее соответствовать правилу) или от «узаконения» (как иногда выражается бюрократическая реальность, когда говорит, например, «узаконить фактический брак»).

Из этого следует, что универсализация (как утверждение признания *koinon* и *koinonein*, дорогих Платону) является универсальной стратегией легитимации (*Koinon* — общедоступный; *koinonein* — общий для кого-либо. — Прим. пер.). Тот, кто подчиняется правилу, привлекает группу на свою сторону, открыто ставя себя на сторону группы во время и посредством публичного акта признания общепринятой, универсально одобренной нормы поведения. Он заявляет, что согласен соизмерять своё поведение с точкой зрения группы, действительной для любого возможного агента, для универсального X. В противопоставлении с форменным утверждением произвола (потому, что я этого хочу; потому, что так мне приятно) соотнесение с универсальностью правила представляет собой возвышение до символического могущества, связанного с принятием универсальной формы, официальной формулы, общего правила.

Но общеизвестно существование интереса к добродетели и выгоды от соответствия социальному идеалу добродетели, и нет таких традиций, которые не преминули бы предостеречь от фарисейства, демонстративно защитить (и более или менее лицемерно) «правое дело», выставить напоказ добродетель во всех её формах. Поскольку универсализация является по преимуществу стратегией легитимации, всегда есть право подозревать формально универсальное поведение в том, что оно является продуктом усилий обеспечить себе поддержку и одобрение группы в стремлении присвоить себе символическую силу, которую представляет собой *koinon*, здравый смысл, — основание всякого выбора, который предстаёт как универсальный (*koinon*, здравый смысл довлеет как то, что справедливо как в смысле этическом, практическом — через противопоставление с тем, что является эгоистичным, — так и в смысле теоретическом, когнитивном — через противопоставление с тем, что является субъективным и частичным). И это нигде так не справедливо, как в чисто политической борьбе за монополию легитимного символического насилия, за право диктовать право, истину, благо и все так называемые универсальные

ценности, где ссылка на универсальное, на праведное, является оружием *par excellence*.

Но разочарование, которое может произвести социологический анализ интереса в бескорыстии, не ведёт неизбежно к морализму благих намерений, который, будучи сосредоточенным только на узурпации универсальности, упускает, что интерес к универсальному и выгода от универсального являются бесспорно самым надёжным двигателем прогресса по направлению к универсальному. Когда говорят пословицей, что «лицемерие — это почтение, которое порок воздаёт добродетели», обращают внимание скорее на лицемерие, отрицательное и универсально стигматизированное, или, более реалистически, — на почтение к добродетели, положительное и универсально признанное. И как не принять во внимание, что критика подозрения сама по себе является способом участия в выгодах от универсального? Как, во всяком случае, не видеть, что при своём явном нигилизме она содержит в действительности признание универсальных логических или этических принципов, которые она вынуждена призывать на помощь, по крайней мере безмолвно, для того, чтобы выразить или разоблачить эгоистическую, корыстную или частичную, субъективную логику стратегий универсализации? Таким образом, также, как можно противопоставлять аристотелевскому определению человека тот факт, что люди иррациональны, лишь в той степени, в которой считается здоровым и разумным применять к ним рациональные нормы, подобным же образом возможно, например, предъявлять упрёк гегелевской модели государственной бюрократии в незнании того, что служители государства служат своим частным интересам под покровом службы универсальному, лишь потому, что молчаливо принимается, что бюрократия может, как она на то претендует, служить универсальному и что критерии и критика разума и морали, следовательно, могут быть к ней легитимно применимы.

Тест на «универсализабельность», столь дорогой Канту, является универсальной стратегией логической критики этических притязаний (у того, кто заявляет, что с другими можно грубо обходиться только потому, что у них какое-то особое свойство, например чёрная кожа, можно спросить, расположен ли он принимать подобное обхождение, если бы сам был чёрным). Ставить в социологически реалистических терминах вопрос о морали в политике или о морализации политики — это спрашивать себя, совершенно практически, об условиях, которые должны соблюдаться для того, чтобы политическая практика подвергалась постоянно тесту на универсализабельность; чтобы само функционирование политического поля предписывало агентам, которые в нём задействованы полный рабочий день, такие ограничения и контроль, что они были бы принуждены к реальным стратегиям универсализации. Очевидно; что речь бы шла об установлении социальных универсумов, где, как в идеальной республике Макиавелли, агенты были бы заинтересованы в добродетели, в бескорыстии, в преданности публичной службе и в общественном благе. Политическая мораль не может упасть с небес, она не вписана в природу человека. Единственно *Realpolitik* Разума и Морали — содействовать созданию благоприятных условий для установления универсума, где все агенты и их действия подвергались бы — а именно посредством критики — своего рода постоянному тесту на универсализабельность, практически введённого в самую логику поля: нет более реалистического политического действия (хотя бы для интеллектуалов) чем то, которое, предоставляя политическую силу этической критике, могло бы способствовать воцарению политических полей, способных поощрять самим своим функционированием агентов, обладающих наиболее

универсальными логическими и этическими диспозициями.

Короче говоря, у морали есть какие-то шансы приобщиться к политике только в том случае, если будут работать над созданием институциональных средств для политики морали. Официальная: правда официального лица, культ публичной службы и преданности общественному благу не устоят перед критикой подозрения, которая повсюду обнаруживает коррупцию, карьеризм, клиентелизм или, в лучшем случае, частный интерес в служении общему благу. Обречённые на то, что Остин обозначает, мимоходом, как «легитимное самозванство», общественные деятели являются людьми частными, социально легитимированными к восприятию себя как общественных деятелей, и социально поощряемыми в том, чтобы думать о себе и представлять себя как преданных служителей общества и общественного блага. Политика морали может лишь принять к сведению этот факт: с одной стороны она старается поймать официальных лиц в их собственной игре, то есть в ловушку официального определения их официальных функций. А также, и главным образом, она непрестанно работает над повышением цены усилий по утаиванию, необходимому для маскировки различия между официальным и официозным, авансценой и кулисами политической жизни. Эта работа по разоблачению, по разочарованию, по демистификации не имеет ничего от разрушения иллюзий: она в действительности может совершаться только во имя самих ценностей, которые стоят в основе критической эффективности разоблачения реальности, находящейся в противоречии с официально исповедуемыми нормами — равенством, братством и главное, в частном случае, искренностью, бескорыстием, короче всем, что определяет гражданскую добродетель. Нет ничего безнадёжного, по крайней мере для «прекрасных душ», в том факте, что те, на долю кого выпадает эта работа — журналисты, оказывающиеся на гребне скандалов, интеллектуалы, быстро схватывающие универсальные причины, юристы, приставленные защищать и распространять уважение к праву, исследователи, упорно разоблачающие сокрытое (как социологи), — сами могут способствовать созданию условий установления царства гражданской добродетели только в той степени, в какой логика их соответствующих полей обеспечивает им выгоды от универсального, которые лежат в основе их *libido virtutis* (Нравственная порядочность [лат.] — Прим. пер.).

Версия #2

Зверобой создал 16 января 2026 21:50:48

Зверобой обновил 18 января 2026 04:00:47